

«Православный пояс» на электоральной карте России в 2011-2021 годах*

Андрей Щербак

Кандидат политических наук, заместитель заведующего Лабораторией сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: ул. Седова, 55-2, Санкт-Петербург, Российская Федерация 192171

E-mail: ascherbak@hse.ru

Данная статья изучает взаимосвязь электоральной поддержки «партии власти» и православной религиозности на федеральных выборах в 2011-2021 годах. Основной предлагаемый аргумент заключается в обнаружении регионального кластера — «православного пояса», который состоит из регионов в основном Центральной России, частично Поволжья и Юга России. Данная статья показывает, что это не случайность, а новый тренд в электоральной географии России, который уже наблюдается в течение последних десяти лет. Регионы данного кластера отличаются повышенной православной религиозностью, социальным консерватизмом и лояльностью «партии власти». Используя теорию десекуляризации Питера Бергера, мы связываем во едино церковно-государственные отношения и электоральное поведение верующих. Основные гипотезы тестируются как на данных регионального, так и индивидуального уровня, с использованием широкого набора статистических методов, включая Т-тесты, панельную регрессию, множественную многоуровневую регрессию. Анализ демонстрирует, что выявленная связь между православной религиозностью и провластным электоральным поведением выявляется не только на индивидуальном, но и на региональном уровне. При этом показывается, что электоральная лояльность власти определяется в том числе и социальным консерватизмом, что позволяет сделать вывод о значимости не столько технологий манипулирования, сколько ценностных установок избирателей. Важным выводом является повышение роли регионов великорусского «ядра» в определении итогов федеральных выборов.

Ключевые слова: электоральное поведение, Русская православная церковь, религиозность, «православный пояс», социальный консерватизм, выборы в России, теория десекуляризации

Результаты прошедших в 2021 году выборов в Государственную Думу РФ позволяют сделать ряд парадоксальных наблюдений. Национальные республики ожидаемо показали завышенные показатели явки и голосования «Единой России»: например, в Кабардино-Балкарской Республике за нее отдали свои голоса 78,9% избирателей, в Карачаево-Черкесской Республике — 80%, в Башкортостане — 67,5%, в Дагестане — 81,7%, Ингушетии — 85,2%, Татарстане — 79%, Тыве — 85,3%. Но проявилась и еще одна категория регионов — типично русские области, которые также дают очень высокие показатели политической поддержки «партии власти»: например, Брянская область дала ей 64,3% голосов, Волгоградская — 58,4%, Пензенская — 56,2%, Тамбовская — 58,2%, Воронежская — 55,6%, Белгородская —

* Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

59,2%. В целом по всей стране «ЕР» набрала 49,82% голосов (ЦИК РФ, 2021). Эти результаты нельзя назвать случайными, так как на выборах Президента РФ в 2018 году эти же регионы продемонстрировали весьма схожие показатели: Тамбовская область — 81,81% голосов за Владимира Путина, Брянская — 81,6%, Курская — 81,01%, Пензенская — 79,98%, Белгородская — 79,71%. Отметим, что если электоральные процессы в национальных республиках находятся в центре исследовательской повестки, то «обычные» русские регионы оказываются, как правило, на периферии внимания ученых. В значительной степени эти регионы оказываются недоизученными политологами, за редкими исключениями (Лункин, 2008; Козлов, 2008), представляя интерес как элемент одного из кластеров в различных интерпретациях электоральных процессов (например: Туровский, 2012), но не оказались в основном фокусе исследования.

В литературе предлагается несколько объяснений результатов прошедших за последние годы федеральных выборов. Помимо подходов, учитывающих особенности избирательного процесса мобилизации в национальных республиках (Goodnow, Moser, 2012; Goodnow, Moser, Smith, 2014; White, 2016), популярной считается концепция «политических машин» (Hale, 2003, 2007; Golosov, 2014). Эта модель фокусируется на практиках и механизмах административной мобилизации избирателей в поддержку правящей партии. В то же время эти концепции могут мало что предложить для объяснения именно регионального измерения недавних выборов, особенно в «обычных» русских регионах.

В данной работе предлагается свой вариант переосмысления электоральной географии России в 2010-х годах. Мы считаем Русскую православную церковь (РПЦ) и уровень православной религиозности важными факторами в электоральной политике, особенно с началом «консервативного поворота», обозначенного президентом Владимиром Путиным в 2012 году (Østbø, 2017). Ключевой идеей статьи выступает тезис о формировании «православного пояса» из регионов, преимущественно расположенных в Центральной России, с добавлением областей на Юге и в Поволжье. Отличительными характеристиками выявленного регионального кластера являются повышенный уровень православной религиозности, социального консерватизма и электоральной лояльности власти на федеральных выборах. Отметим, что все включенные регионы — области с высокой долей этнических русских и православных.

Важным аспектом новизны нашего подхода является рассмотрение электорального поведения изучаемых регионов в широкой социетальной перспективе — в совокупности с изучением ценностных установок. Ранее уже выдвигался тезис о наличии «православного пояса» в России (Ухватова, 2017; Щербак, Ухватова, 2018), однако только в этой работе все аргументы проверяются на максимально полных массивах данных. Во-первых, анализируются все федеральные выборы с 2011 по 2021 год, включая и референдум о поправках в Конституцию РФ. Во-вторых, для проверки тезиса и на индивидуальном уровне используются данные регионального репрезентативного опроса LCSR Regional Survey из 53 регионов.

На наш взгляд, интересным наблюдением можно считать пересечение регионов «православного пояса» с бывшим «красным поясом». Мы рассматриваем данный феномен сквозь призму теории десекуляризации Питера Бергера (Berger, 1999; Карпов, 2012; Shishkov, 2012; критика данного подхода — Малахов, Летняков, 2019). Государство было заинтересовано в сотрудничестве с РПЦ, в том числе с точки зрения способности РПЦ проводить мобилизацию верующих на выборы. Церковь, в свою очередь, нуждалась в государстве для проведения политики десекуляризации. Однако вся динамика отношений между Церковью и государством в России лежит за пределами данной статьи (см., например: Митрохин, 2004; Штекль, 2018).

Религиозность — это характеристика индивидуального уровня, поэтому основные теоретические объяснения взаимосвязи религии и электорального поведения фокусируются на индивидуальном уровне (например: Kellstedt, Green, 1993; Manza, Brooks, 1997; Layman, 1997). Обычно предлагаемые модели связывают электоральные предпочтения верующих или с различием деноминаций (включая особенности догмата, организации церковных структур), или с градацией уровня религиозности индивида, где более высокий уровень религиозности соответствует поддержке более консервативных партий и кандидатов. Мы предлагаем дополнить эти модели региональным измерением, допуская, что чем выше «региональная» религиозность, тем выше политическая поддержка власти. Основное объяснение — это участие региональных структур РПЦ в политической мобилизации верующих, что соотносится с моделью «десекуляризации сверху» (Lisovskaya, Карпов, 2010), подчеркивающей ключевую роль именно церковных структур в этом процессе, на фоне относительной слабости религиозных организаций и активистов.

Цель данного исследования — продемонстрировать наличие на политической карте России предполагаемого «православного пояса», состоящего из регионов, сочетающих повышенную православную религиозность, социальный консерватизм и электоральную лояльность. Исследования взаимосвязи религиозности и электоральных предпочтений в России уже проводились (например: Кулькова, 2015; Богачев, 2019; Карпич, 2021); свой вклад в разработку проблематики мы видим в артикуляции именно региональной перспективы. Существуют работы, посвященные отдельным региональным случаям или выборам (например: Карпич, 2020; Лункин, 2008), однако задач выявить связь между электоральным поведением, православной религиозностью в региональном разрезе еще не ставилось.

Структура работы выглядит следующим образом. В первой части описывается теоретическая рамка и дается обзор литературы. В ней мы рассматриваем теорию десекуляризации, отношения между РПЦ и государством, отдельное внимание уделяя последнему десятилетию. Вторая часть представляет собой эмпирический анализ региональных данных. Используя данные опроса АРЕНА об отношении к религии за 2012 год, мы с помощью факторного анализа выявляем регионы «православного пояса». Далее проводится регрессионный анализ, который показывает наличие взаимосвязи между религиозностью и провластным голосованием

на региональном уровне с 2011 по 2021 год. В третьей части мы используем данные индивидуального уровня — регионального репрезентативного опроса по 53 регионам — и с помощью многоуровневого регрессионного анализа находим подтверждение как более высокому уровню религиозности и социального консерватизма, так и электоральной лояльности в регионах «православного пояса». В Заключении представлены выводы и возможные интерпретации наших результатов.

Православная религиозность и голосование в России

Какое влияние оказывает православная религиозность на результаты федеральных выборов? В этой части мы соединяем в одну модель религиозность, отношения между государством и РПЦ в современной России, политический режим и электоральное поведение. Мы во многом опираемся на положения теории десекуляризации, так как она фокусируется на изменении характера государственно-церковных отношений в посткоммунистических странах. Применяя ее к российскому политическому контексту, мы рассматриваем роль церковных структур в политической мобилизации.

В зарубежной литературе предлагаются две основные модели влияния религии на политические предпочтения: *этнорелигиозная* и *теологическая модель* реструктуризации (McTague, Layman, 2009). Этнорелигиозная модель основана на дюркгеймовском понимании религии как групповом явлении, что подразумевает важность таких факторов, как этничность, раса, регион. Религиозная доктрина и обряды воспринимаются как механизмы поддержания групповых норм и традиций среди последователей. В результате групповая сплоченность и артикуляция отличий от других социальных групп позволяют политикам манипулировать верующими, апеллируя к групповой идентичности. Вторая модель в большей степени подчеркивает важность не деноминаций, а верований и поведения верующих. Главное в ней — это поддержка традиционных религиозных норм и обрядов, а также политиков, которые заявляют о своей согласии с соответствующими ценностными установками. Считается, что случай России относится к первой модели, из-за наличия сильной ассоциации между православием и русской этнической идентичностью (про обзор подходов к определению религиозной принадлежности см.: Filatov, Lunkin, 2006); при относительно невысокой доле воцерковленных культурная идентификация играет основную роль (Рыжова, 2010).

Для описания трансформаций в церковно-государственных отношениях мы используем *теорию десекуляризации* (Berger, 1999). Согласно ей, после коллапса коммунизма в Восточной Европе в отношениях между религией и обществом стала происходить «контресекуляризация», выражающаяся в сближении светских институтов и религиозных норм, возрождении религиозных практик, возвращении религии в публичную сферу (Lisovskaya, Karov, 2010: 278). В своем роде это реакция на воинственный атеизм советской эпохи. При этом случай постсоветской России характеризуется как «десекуляризация сверху»: так как низовые участники

религиозного возрождения — прихожане, церковные НКО, религиозные активисты — довольно слабы и малочисленны, основную роль в нем играют официальные церковные структуры. Только в союзе с государством РПЦ может успешно продвигать свою повестку, которая включает как сугубо церковные вопросы, так и светские, в том числе связанные с интересами в сфере образования, здравоохранения, демографии, культуры. Социолог Кристина Штекль (2018) предложила классификацию государственно-церковных отношений: секуляризм (*laïcité*), избирательное сотрудничество и государственная церковь. Секуляризм предполагает отделение всех религий от государства, они на равных условиях конкурируют за внимание и ресурсы государства. Этот тип соответствует идеалу светского государства, но на практике он едва ли где-либо в посткоммунистических странах был достигнут. Вариант государственной церкви, с приданием одной из религий статуса государственной (например, Греция, Дания), встречается довольно редко. Основным вариантом оказывается модель избирательного сотрудничества, которая предполагает предоставление различных привилегий одной или нескольким «традиционным» религиям (Штекль, 2018). Случай России описывается именно как избирательное сотрудничество; при этом в последние годы позицию РПЦ можно было иногда трактовать как стремление к модели государственной церкви. Ключевым аспектом здесь является взаимодействие РПЦ и государства по крайне широкому спектру вопросов, включая сугубо политические. Обе стороны заинтересованы во взаимовыгодном сотрудничестве.

Данный подход позволяет свести воедино государство (потребность в дополнительной легитимации со стороны Церкви и верующих), Церковь (поддержка со стороны государства, в том числе ресурсная) и верующих (одобрение союза светской и церковной власти, готовность следовать наставлениям клира). Особую роль здесь играют церковные структуры, в том числе региональные, которые выступают своего рода посредниками между государством и верующими. Почему тогда верующие поддерживают именно «Единую Россию»? Можно предложить два объяснения. Во-первых, из-за ее консервативной повестки, если считать, что в последние годы происходил сдвиг «ЕР» в сторону умеренно правой консервативной идеологии. Во-вторых, по причине идентификации «ЕР» как наиболее провластной, лояльной президенту партии. Второе объяснение мы считаем более убедительным: несмотря на следование «ЕР» с 2012 года политике «консервативного поворота», верующие избиратели поддерживают ее во многом по причине того, что она является «партией власти». Согласно нашей модели, структуры РПЦ постоянно им об этом напоминают. Определенное влияние оказывает характер российского политического режима: как у структур РПЦ едва ли есть возможность «продать» голоса верующих избирателей иной партии, кроме «партии власти», так и у верующих избирателей едва ли есть иной выбор для демонстрации своей лояльности РПЦ и государству. У них нет возможности выбирать между «религиозными консерваторами» и «светскими традиционалистами», реальный выбор состоит или в поддержке «ЕР», или неучастии в выборах. Для РПЦ же это

ситуация «монопольного соглашения», при котором есть один-единственный «покупатель» голосов верующих — Кремль; задача же состоит в максимизации числа этих голосов.

Сотрудничество с государством, в том числе ради электоральной мобилизации верующих де-факто делает структуры РПЦ частью «политических машин» на местном и региональном уровне (e.g., Гилев, 2017). Политика «десекуляризации сверху» придала новый импульс развитию консервативных групп, движений, активистов в России, особенно начиная с 2012 года. С объявлением «консервативного поворота» традиционалистские круги получили необычайную поддержку своих инициатив, что и создало благоприятный фон для возвышения в российской электоральной политике кластера регионов, которые мы называем «православным поясом».

Можно утверждать, что РПЦ оказалась одним из главных выгодополучателей политики «консервативного поворота». С момента интронизации патриарха Кирилла в 2009 году РПЦ демонстрирует более активную позицию в социально-политической жизни страны. Церковные структуры начали создавать новые институты, выдвигать громкие инициативы и запускать новые общественные кампании — как минимум в сфере образования, здравоохранения, культуры. РПЦ, по сути, поддерживала откат от демократических принципов управления, выдвигая тезис «Вся власть от Бога» и тем самым легитимируя несменяемость власти (Ухватава, 2018).

Учитывая важную символическую роль РПЦ и православия для российских граждан, политики давно пытались использовать религию в своих целях. Исследование программ политических партий с 1995 по 2005 год выявило повышение значимости православия политиками как символа русской культуры и патриотизма (Раркова, 2006). В другой работе показано, что священники высказывались о политике во время богослужений в православных храмах, об этом заявляли около 18% опрошенных. При этом около 14% сообщали о том, что это повлияло на их электоральные предпочтения (Богачев, Сорвин, 2019).

Как связаны православная религиозность и электоральные предпочтения? Анализ, проведенный А. Кульковой на данных Европейского социального исследования (ESS), показал положительный эффект православной религиозности на провластное голосование (Кулькова, 2015). В другой работе была выявлена нелинейная связь между православной религиозностью и голосованием за «ЕР»: как наименее религиозные, так и наиболее религиозные респонденты не поддерживали «партию власти», в то время как умеренно религиозные ее поддерживали (Богачев, 2016). Эти результаты соотносятся с полученными ранее. Например, Р. Лункин (2008) показал, что более «православные» регионы, в основном в Центральной и Южной России, были более склонны голосовать за «ЕР» и «патриотов». Еще более ранние наблюдения обнаруживали, что среди «православных» регионов преобладали прогосударственные и коммунистические установки (Лункин, 2008). В сравнительном исследовании политической культуры в России Н. Козлов (2008) фиксирует «православный морализм», который преобладает в регионах Черноземья — Липецке, Тамбове, Курске, Брянске, Белгороде, и в Поволжье — Пензе и Ульяновске.

К уже предложенным ранее политическим и географическим размежеваниям — коммунисты-демократы, Центр-периферия, области-республики — мы предлагаем добавить и религиозную перспективу. Фактор православной религиозности оказывает важное влияние на результаты голосования на федеральных выборах как минимум последние 10 лет. Суть нашего аргумента состоит в том, что взаимосвязь православия и голосования носит специфический региональный характер, который проявляется в наличии особого кластера регионов с повышенным уровнем религиозности, социального консерватизма, лояльности и более высоким уровнем провластного голосования. Можно предположить как минимум две причины выделения данного кластера. Во-первых, эти регионы отличаются определенными социально-экономическими характеристиками: доля сельского населения, доход, безработица, доля русских. Отметим, что эти же факторы обсуждаются и в дискуссии о применимости концепта «политических машин» для объяснения электорального процесса в России (Hale, 2003, 2007; Golosov, 2014). Во-вторых, регионы данного кластера могут отличаться ценностными установками. Стоит предположить, что религиозность может оказаться элементом более широкой ценностной системы, основанной на консервативных, традиционных нормах, лояльности властям и конформизме (Middendorp, 1991; De Koster, Van der Waal, 2007). Так как религиозность в России может считаться основным маркером консерватизма, в данном случае можно допустить тождественность этих двух понятий. Нам кажется это оправданным, особенно после того, как РПЦ стала одним из главных проводников политики «консервативного поворота», объявленной президентом Путиным в 2012 году (Østbø, 2017), а православная религиозность прочно ассоциировалась с множеством консервативных инициатив.

Пытаясь изучить новые тренды в российской электоральной географии, мы собираемся выявить новый региональный кластер, «православный пояс», который отличается более высоким уровнем православной религиозности, социального консерватизма и электоральной поддержки Кремля на федеральных выборах. Мы формулируем следующие гипотезы:

- Н1: Более высокий уровень *региональной* православной религиозности связан с более высокой электоральной поддержкой Кремля на выборах 2011–2021 годов.
- Н2: Более высокий уровень *индивидуальной* православной религиозности связан с более высоким уровнем социального консерватизма.
- Н3: Более высокий уровень *индивидуальной* православной религиозности связан с более высоким уровнем электоральной лояльности.

Подтверждение данных гипотез позволит продемонстрировать, что связь между православной религиозностью и голосованием наблюдается не только на индивидуальном уровне, но и на региональном. Существование «православного пояса» покажет, что влияние религии и церкви на политику в России растет, в соответствии с моделью «десекуляризации сверху».

Наша эмпирическая стратегия выглядит следующим образом. Вначале мы используем данные опроса АРЕНА, проведенного в 2012 году, для классификации регионов по уровню и типам православной религиозности. Следующим шагом будет анализ влияния степени «православности» регионов на поддержку «ЕР» и президента В. Путина на федеральных выборах с 2011 по 2021 год на региональном уровне. После этого мы проверим наши выводы на индивидуальном уровне, используя данные опроса LCSR Regional Survey. С помощью Т-тестов и многоуровневого регрессионного анализа будет показано, что респонденты из регионов «православного пояса» более консервативны, более лояльны и более склонны поддерживать «Единую Россию».

Голосование за власть на федеральных выборах в 2011-2021 годах: появление «православного пояса»

Согласно определению российских исследователей С. Филатова и Р. Лункина (Filatov, Lunkin, 2005), религиозность выражается в численности практикующих верующих, то есть тех, кто разделяет определенное вероучение, исполняет предписываемые религиозные практики. В данной работе мы в большей степени опираемся на определение Чарльза Глока, включающее такие измерения, как «опытное» (субъективные религиозные переживания), «обрядовое», «идеологическое» (приверженность основным символам веры), «интеллектуальное» (знакомство с религиозной литературой, знание канона), «интегративное» (перенос религиозности на иные сферы жизни индивида) (Glock, 1962). В итоге мы используем комплексную шкалу для измерения религиозности.

Для измерения влияния православной религиозности на электоральное поведение мы выбрали данные проекта АРЕНА, реализованного центром СРЕДА в 2012 году. На наш взгляд, данные этого опросного проекта представляют собой наиболее детальную и подробную информацию о религиозности практически во всех регионах страны. При этом мы ограничиваем нашу выборку только преимущественно православными регионами, исключая мусульманские республики Северного Кавказа и Поволжья, а также Тыву. Всего в выборке — 72 региона; данные доступны только на региональном уровне. Чтобы выделить различные типы религиозности на уровне регионов, мы используем метод анализа главных компонент.

Согласно опросу, 41% респондентов отвечает положительно на вопрос «*Исповедую православие и принадлежу к Русской православной церкви*». Самый высокий уровень ответов — в Тамбовской и Липецкой областях (79%). При этом религия является важной для довольно небольшой части россиян, только 15% респондентов утвердительно ответили на вопрос «*религия играет важную роль в моей жизни*». Для дальнейшего анализа мы выбрали следующие вопросы, соотнося их с подходом Глока:

«Опытное»

- *исповедую православие и принадлежу к Русской православной церкви*
- *религия играет важную роль в моей жизни;*

- верю в Бога (в высшую силу), но конкретную религию не исповедую;
- я лично сталкивался(-лась) с чудесными, необъяснимыми явлениями
«Обрядовое»
- я молюсь каждый день, положенными молитвами или своими словами;
- я по возможности соблюдаю все религиозные предписания (в соответствии с моим вероисповеданием);
- я исповедуюсь раз в месяц и чаще
«Идеологическое»
- способен жертвовать;
- я поддерживаю традиционные семейные устои, когда главой семьи является мужчина;
- я безвозмездно помогаю другим людям, занимаюсь благотворительностью
«Интеллектуальное»
- я прочитал(-а) Евангелия
«Интегративное»
- я готов(-а) участвовать в гражданской, добровольной, общественной работе

Результаты факторного анализа представлены ниже (табл. 1). Было извлечено два фактора; значимыми признавались только коэффициенты выше 0,500. Факторные нагрузки были сохранены как регрессионные коэффициенты, что позволило проранжировать регионы по каждому из факторов. Фактор 1 варьирует от -1,956 to 3,086 (топ-5 регионов — Еврейская АО, Калужская обл., Ямало-Ненецкий АО, Брянская и Новгородская обл.), а Фактор 2 — от -1,448 to 2,607 (топ-5 — Северная Осетия, Тамбовская, Липецкая, Пензенская и Нижегородская обл.). Оба фактора стандартизованы (средняя — 0, стандартное отклонение 1), они показывают низкие и высокие уровни разных типов религиозности на региональном уровне.

Таблица 1. Эксплораторный факторный анализ православной религиозности

Вопрос	Фактор 1	Фактор 2
Исповедую православие и принадлежу к Русской православной церкви	,886	-,059
Верю в Бога (в высшую силу), но конкретную религию не исповедую	-,730	,188
Религия играет важную роль в моей жизни	,669	,255
Я по возможности соблюдаю все религиозные предписания (в соответствии с моим вероисповеданием)	,841	-,125
Способен жертвовать	-,290	,770

Я поддерживаю традиционные семейные устои, когда главой семьи является мужчина	,253	,628
Я молюсь каждый день, положенными молитвами или своими словами	,758	,191
Я прочитал(-а) Евангелия	,387	,645
Я лично сталкивался(-лась) с чудесными, необъяснимыми явлениями	,022	,647
Я исповедуюсь раз в месяц и чаще	,500	,497
Я безвозмездно помогаю другим людям, занимаюсь благотворительностью	,036	,789
Я готов(-а) участвовать в гражданской, добровольной, общественной работе	-,234	,852
Извлеченная дисперсия	32,6%	27,6%

Источник: опрос АРЕНА (региональный уровень). Метод ротации: Варимакс с нормализацией Кайзера.

Фактор 1: «*обрядовая вера*» (ОВ), выделяющий регионы, в которых верующие отдают приоритет обрядовой составляющей религиозности (опытное и обрядовые составляющие по Глоку), включая принадлежность к учению, молитвы, исповедание.

Фактор 2: «*консервативный активизм*» (КА), подчеркивающий приоритет идеологической, интеллектуальной и интегративной составляющей религиозности (то есть служение, волонтерство, благотворительность и традиционные ценности, над обрядовостью).

Как интерпретируются данные факторы? Фактор 1 подчеркивает важность обрядов и принадлежность к РПЦ, в то время как Фактор 2 выделяет консервативную повестку и религиозный активизм. Можно предположить, что регионы «консервативного активизма» готовы поддерживать Кремль за его консервативную повестку, в то время как регионы «обрядовой веры» голосуют для демонстрации лояльности. Однако после предварительного анализа было обнаружено, что Фактор КА не коррелирует ни с одним показателем электорального поведения, в то время как Фактор ОВ значимо коррелирует со всеми, поэтому было решено исключить Фактор КА из дальнейшего анализа. Кроме того, была выявлена сильная положительная корреляция между Фактором ОВ и долей ответов на вопрос «*Исповедую православие и принадлежу к РПЦ*»: 0,886 (N = 72, p = 0,00), в то время как с Фактором КА эта связь отрицательная и незначимая —0,059 (N = 72, p = 0,625). Хотя наличие столь сильной связи между Фактором ОВ и православием ставит вопрос о самостоятельности этого показателя, мы считаем, что он более ре-

левантский по сравнению с долей православных, так как отражает разные аспекты именно религиозности, а не просто принадлежность к конфессии.

Данный анализ позволил нам выделить регионы «православного пояса»: в него были отобраны регионы с максимальной факторной нагрузкой. Этот список включил в себя 15 регионов из верхнего квантиля: Липецкая, Тамбовская, Белгородская, Курская, Костромская, Тульская, Нижегородская, Пензенская, Брянская, Рязанская, Волгоградская, Воронежская, Ульяновская, Астраханская обл., а также Северная Осетия. Фактор ОВ варьирует от 2,561 и до -1,443, в список попали регионы со значением не менее 0,725.

Для дальнейшего анализа мы создали следующие переменные:

Доход — логарифм среднего дохода по региону в 2011, 2016 и 2020 годах (в рублях, данные Росстата)

Село — доля сельского населения в 2011, 2016 и 2021 годах (данные Росстата)

Русские — доля этнических русских в регионе (данные переписи 2010 года)

Безработица — доля безработного населения в регионе в 2011, 2016 и 2020 годах (данные Росстата)

Для проверки гипотезы о влиянии православной религиозности на электоральную поддержку власти на федеральных выборах был проведен статистический анализ с использованием метода панельной регрессии. Ключевой независимой переменной является региональное значение *Фактора ОВ*. Так как православие иногда считается «этнической религией» русских (Filatov, Lunkin, 2006), в качестве контрольной переменной мы используем долю русских. Также включены основные социально-экономические индикаторы (доход, безработица, доля сельского населения). В качестве зависимых переменных мы используем объединенный пул данных по доле голосов за «Единую Россию» в 2011, 2016 и 2021 годах; по доле голосов за президента В. Путина в 2012 и 2018 годах. В обоих случаях мы показываем спецификации моделей методом *pooling* (результаты со спецификацией методом *random effects* дали очень похожие результаты). Отдельно мы проводим схожий регрессионный анализ (OLS) с зависимой переменной *доля голосов на референдуме за поправки в Конституцию РФ* в 2020 году. Результаты анализа представлены в таблицах 2 и 3.

Таблица 2. Голосование и православная религиозность на федеральных выборах, 2011-2021 (региональный уровень)

	M1	M2
	«ЕР» Pooling	Путин Pooling
Фактор «Обрядовая вера»	0,045*** (0,007)	0,022*** (0,08)
Русские, %	-0,135*** (0,046)	-0,039 (0,050)
Сельское население, %	0,129* (0,069)	0,314*** (0,081)
Log Доход	-0,004 (0,016)	0,162*** (0,025)

Безработица, %	-0,097 (0,170)	0,088 (0,160)
<i>R-square</i>	0,255	0,278
<i>Adj. R-square</i>	0,238	0,252
<i>N</i>	216	144

Примечания: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. Нестандартизованные коэффициенты, стандартные ошибки в скобках. Источник: опрос АРЕНА 2012, Росстат, ЦИК РФ.

Таблица 3. Голосование и православная религиозность на референдуме за поправки в Конституцию РФ в 2020 году

	Мз
	Поправки OLS
Фактор «Обрядовая вера»	0,033*** (0,008)
Русские, %	-0,001 (0,055)
Сельское население, %	0,175* (0,091)
Log Доход	-0,029 (0,030)
Безработица, %	-0,988** (0,434)
<i>R-square</i>	0,398
<i>Adj. R-square</i>	0,352
<i>N</i>	72

Примечания: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. Нестандартизованные коэффициенты, стандартные ошибки в скобках. Источник: опрос АРЕНА 2012, Росстат, ЦИК РФ.

Данные регрессионного анализа показывают, что во всех моделях Фактор ОВ значим, с ожидаемым знаком: более православные регионы оказывают более высокую поддержку власти как на выборах в ГД, так и на выборах президента или при голосовании на референдуме за конституционные поправки. Контрольные переменные проявили себя различным образом. В моделях про голосование за «ЕР» в ГД РФ значимое негативное влияние оказывала «доля русского населения», что соотносится с предыдущими исследованиями (Goodnow, Moser, 2012; Goodnow, Moser, Smith, 2014; White, 2016), социально-экономические переменные оказались незначимыми. В моделях с голосованием за В. Путина значимы «Доход» и «Сельское население», в то время как незначимость доли русских может говорить о равномерной поддержке президента среди всех этнических групп. В модели с голосованием за конституционные поправки значимыми оказались «Сельское население» и «Безработица». Таким образом, степень «православности» региона, с учетом эффекта социально-экономических факторов оказывает значимое влияние на провластное голосование во всех моделях, что подтверждает Гипотезу 1. В следующей части мы проверяем выявленную связь между православной религиозностью и электоральным поведением уже на индивидуальном уровне.

Ценностные установки «православного пояса»

Полученные нами результаты основаны на данных регионального опроса, проведенного в 2012 году. В этой части мы подтверждаем наличие «православного пояса» в России, используя данные опроса LCSR Regional Survey 2019–2020, проведенного в 60 регионах страны. Это репрезентативный опрос, который в том числе содержал вопросы об отношении к религии и религиозности, установкам о репродуктивном поведении, доверии политическим институтам, оценке деятельности губернатора и мэра, поддержке политических партий. Используя методы Т-теста (Mann-Whitney U Test), многоуровневой логистической регрессии, мы показываем, что респонденты «православного пояса» характеризуются более высокими уровнями религиозности, социального консерватизма и лояльности к власти, в том числе декларируемой поддержки «ЕР». Наша выборка, после исключения шести преимущественно мусульманских регионов (Северный Кавказ и Поволжье) и Республики Тыва включает 11 регионов «православного пояса» (Воронежская, Белгородская, Тамбовская, Курская, Тульская, Волгоградская, Нижегородская, Пензенская, Астраханская, Ульяновская обл., Северная Осетия) и 42 «обычных» региона². Мы предполагаем, что жители «православного пояса» значительно отличаются от остальных как своими ценностными установками, так и политическими предпочтениями.

Сначала мы создали бинарную переменную «ПрПояс», которая кодирует регионы «православного пояса» как (1), остальные — (0).

Опрос включал в себя три вопроса про измерение религиозности.

Независимо от того, посещаете Вы религиозные службы или нет, можете ли Вы сказать, что Вы: (1) религиозный человек, (2) нерелигиозный человек, (3) атеист. Далее переменная была перекодирована в обратном порядке; затем она была перекодирована в бинарную переменную «Религиозность» (1 — да, 0 — нет).

Не считая венчаний, похорон и крещений, как часто Вы посещаете религиозные службы в настоящее время? (1) чаще, чем раз в неделю, (2) раз в неделю, (3) раз в месяц, (4) по особым религиозным праздникам, (5) раз в год, (6) реже, чем раз в год, (7) никогда или почти никогда. Мы перекодировали переменную в обратном порядке: (1) никогда и (7) чаще, чем раз в неделю.

Исповедуете ли Вы какую-либо религию? Мы перекодировали ответы в бинарную переменную «Православие», где (1) — Православие, и (0) — для иной другой религии. Далее мы создали переменную «Православная религиозность» (произведение «Религиозности» и «Православия»), где «Православный религиозный» — (1), а остальные значения — (0).

2. Москва, Санкт-Петербург; Московская, Владимирская, Тверская, Ярославская, Ленинградская, Архангельская, Вологодская, Мурманская, Калининградская, Ростовская, Самарская, Саратовская, Оренбургская, Свердловская, Челябинская, Кемеровская, Тюменская, Новосибирская, Иркутская, Омская, Томская, Амурская, Магаданская, Сахалинская обл.; Ставропольский, Краснодарский, Красноярский, Забайкальский, Алтайский, Приморский, Хабаровский край; Удмуртия, Чувашия, Мордовия, Коми, Крым, Бурятия, Тува, Якутия (Саха); Ханты-Мансийский АО.

Вначале мы сделали Mann-Whitney U Test, аналог Т-теста для порядковых переменных, чтобы проверить, действительно ли жители «православного пояса» отличаются более высокой религиозностью. Анализ выявил значимые различия, наше предположение подтвердилось (табл. 4).

Таблица 4. Mann-Whitney U Test по религиозности: сравнение регионов «православного пояса» и «обычных» регионов

	Пр.Пояс	N	Mean	w	Sig.
Независимо от того, посещаете Вы религиозные службы или нет, можете ли Вы сказать, что Вы: (1) атеист, (2) нерелигиозный человек, (3) религиозный человек?	Да	2483	2,79	10 483 019	,000**
	Нет	9068	2,65		
Не считая венчаний, похорон и крещений, как часто Вы посещаете религиозные службы в настоящее время?	Да	2430	2,57	11 439 696	,000**
	Нет	10 462	2,25		

Источник: LCSR Regional Survey 2019-20. Значимость: *p < 0,05; **p < 0,01.

Далее мы сделали еще один подобный тест, чтобы проверить, отличаются ли жители «православного пояса» по своим ценностным установкам; можно ли утверждать, что они являются носителями более традиционалистских, консервативных, лоялистских установок. Мы включили в анализ бинарную переменную «Поддержка ЕР» (1 — поддержка «ЕР», 0 — поддержка иной партии), которая есть результат перекодирования вопроса «Какая партия является наиболее близкой к Вашим взглядам?»

Результаты представлены в таблице 5.

Таблица 5. Mann-Whitney U Test по консерватизму, лояльности, политическому доверию и активизму: «Православный пояс» vs «обычные» регионы

	Пр.Пояс	N	Mean	w	Sig.
В какой степени гомосексуализм может быть оправдан? (1 — всегда оправдан, 10 — никогда не оправдан)	Да	3178	9,01	19 449 007	,000***
	Нет	12 929	8,72		
В какой степени аборт может быть оправдан? (1 — всегда оправдан, 10 — никогда не оправдан)	Да	3223	7,13	19 858 696	,000***
	Нет	13 056	6,85		
В какой степени развод может быть оправдан? (1 — всегда оправдан, 10 — никогда не оправдан)	Да	3200	5,68	19 847 541	,000***
	Нет	13 132	5,40		

Как бы Вы оценили работу губернатора области? (1 — очень плохо, 4 — очень хорошо)	Да	2758	2,85	14 390 079	,000***
	Нет	10 875	2,79		
Как бы Вы оценили работу мэра Вашего города (главы района)? (1 — очень плохо, 4 — очень хорошо)	Да	2587	2,61	1 251 938	,000***
	Нет	10 321	2,52		
Насколько Вы доверяете правительству? (1 — совсем не доверяю, 4 — полностью доверяю)	Да	3228	2,57	20 990 006	,258
	Нет	13 167	2,55		
Насколько Вы доверяете Государственной Думе? (1 — совсем не доверяю, 4 — полностью доверяю)	Да	3184	2,25	20 357 989	,104
	Нет	13 019	2,21		
Насколько Вы доверяете Президенту России? (1 — совсем не доверяю, 4 — полностью доверяю)	Да	3253	3,06	20 949 250	,009***
	Нет	13 249	3,00		
Поддержка «ЕР» (1 — поддержка «ЕР», 0 — иной партии)	Да	2255	,50	9 654 018	,008***
	Нет	8840	,46		
Готовы ли Вы делать материальные пожертвования на благотворительные акции? (0 — не готов, 1 — да, готов)	Да	2907	,47	22 120 760	,025*
	Нет	11 000	,48		
Готовы ли Вы работать волонтером для решения общественной проблемы, для благотворительной акции? (0 — не готов, 1 — да, готов)	Да	3347	,46	16 204 155	,195
	Нет	12 938	,48		

Источник: LCSR Regional Survey 2019. «Да» — православный верующий, «Нет» — иное. Значимость: *p < 0,05; **p < 0,01.

Результаты анализа показывают значимые отличия респондентов «православного пояса» от остальных регионов: они более консервативны и лояльны; за исключением доверия правительству, Государственной Думе и готовности работать волонтером. В том числе они более консервативны в отношении к репродуктивному поведению, более высоко оценивают работу местных и региональных властей, у них более высокий уровень доверия парламенту и президенту, более

высокий уровень поддержки партии «Единая Россия». Эти данные подтверждают Гипотезу 2.

Наш следующий шаг — это дополнительная проверка гипотезы о более высоком уровне поддержки «ЕР» в регионах «православного пояса», на индивидуальном уровне. Мы применяем метод многоуровневой логистической регрессии, используя переменную «Поддержка ЕР» в качестве зависимой переменной. Группирующей переменной второго уровня является регион ($N = 53$); ключевой независимой переменной второго уровня — «Фактор ОВ». Ключевой независимой переменной индивидуального уровня является «Православный религиозный». Наши социально-демографические контрольные переменные «Пол» (0 — М, 1 — Ж), «Возраст» (в годах), «Образование» (1 — Начальное образование или меньше, 4 — Высшее образование или научная степень), «(Субъективный) доход» (1 — Очень трудно жить на такой доход, 4 — Живете, не испытывая материальных затруднений). Сначала мы тестируем «пустую» модель ANOVA (M1), затем добавляем переменную второго уровня Фактор ОВ (M2), потом добавляем демографические контроли (M3), а после этого последовательно вставляем переменные социального консерватизма (M4), доверия политическим институтам (M5) и все переменные вместе (M6). Модели M4–M6 могут показать, связана ли поддержка респондентами «Единой России» с их традиционалистскими установками и институциональным доверием. Результаты анализа представлены в таблице 6.

Таблица 6. «Православный пояс» и поддержка «Единой России» в 2018 году: многоуровневая логистическая регрессия

	M1	M2	M3	M4	M5	M6
Фактор ОВ		0,106*** (0,031)	0,101*** (0,033)	0,102*** (0,034)	0,061* (0,032)	0,068** (0,034)
Правосл. религ.			0,290*** (0,042)	0,222*** (0,044)	0,148*** (0,049)	0,086* (0,051)
Пол			0,853*** (0,043)	0,969*** (0,046)	0,762*** (0,050)	0,845*** (0,053)
Возраст			0,003*** (0,001)	0,0003 (0,001)	-0,015*** (0,002)	-0,015*** (0,002)
Образование			-0,157*** (0,027)	-0,141*** (0,029)	-0,086*** (0,032)	-0,076** (0,033)
Доход (суб.)			0,283*** (0,023)	0,302*** (0,025)	0,050* (0,028)	0,055* (0,029)
Гомос-ть оправдана				0,060*** (0,010)		0,031** (0,012)

Аборт оправдан				0,040*** (0,009)		0,027** (0,011)
Развод оправдан				0,036*** (0,009)		0,019* (0,010)
Доверие правительству					0,471*** (0,036)	0,458*** (0,038)
Доверие ГД					0,270*** (0,032)	0,274*** (0,034)
Доверие президенту					0,796*** (0,038)	0,786*** (0,039)
Intercept	-0,120*** (0,038)	-0,133*** (0,032)	-1,100*** (0,116)	-2,114*** (0,151)	-4,349*** (0,160)	-4,889***
Наблюдения	11 095	10 874	10 375	9557	9862	9173
Log Likelihood	-7 632,2	-7 481,6	-6 812,9	-6 191,3	-5 233,1	-4 846,1
AIC	15 268,3	14 969,3	13 641,9	12 404,6	10 488,2	9 720,2
BIC	15 282,9	14 991,2	13 699,8	12 483,4	10 567,4	9 819,9
Adj. ICC	0,017	0,010	0,011	0,012	0,008	0,008

Примечание: *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$. Нестандартизованные коэффициенты, стандартные ошибки в скобках. Зависимая переменная — поддержка «ЕР». Группирующая переменная — регион. Источник: LCSR Regional Survey 2019-20

Все модели показывают значимость ключевых переменных как второго уровня — Фактор ОВ, так и индивидуального уровня — «православной религиозности». Среди значимых предикторов оказываются — Пол (женщины чаще склонны поддерживать «ЕР»), Доход (чем выше доход, тем выше поддержка), Образование (чем ниже образование, тем выше поддержка «ЕР»). Возраст меняет знак от положительного в М3 (чем старше, тем выше поддержка «ЕР») — до отрицательного (чем младше, тем ниже поддержка «ЕР» в М5 и М6. В этой связи едва ли Возраст является важным предиктором для объяснения связи православной религиозности и электоральной лояльности. Модели М4, М5 и М6 показывают значимость установок социального консерватизма и институционального доверия для объяснения причин поддержки «ЕР». Для респондентов оказываются значимыми как установки социального консерватизма, так и институционального доверия. Значения ICC (коэффициента интерклассовой корреляции) варьируют от 1,7 до 0,8%. Гипотеза 3, таким образом, подтвердилась. В целом полученные результаты показывают, что православная религиозность оказывает значимое влияние на под-

держку «партии власти» не только на индивидуальном, но также и на региональном уровне: она выше среди регионов «православного пояса». Резюмируя, можно сделать вывод, что индивидуальные данные подтверждают наш тезис о существовании «православного пояса» на политической карте России. Жители этого пояса не только более склонны поддерживать «Единую Россию» по сравнению с жителями иных регионов, но также и более религиозны, более консервативны, более лояльны в отношении политических институтов.

Заключение

В данном исследовании был предложен новый подход к изучению электоральной географии России в последнее десятилетие, с 2011 по 2021 год. Мы утверждаем, что на политической карте России можно выявить новый кластер регионов — «православный пояс», который отличается повышенной православной религиозностью, социальным консерватизмом, политической и электоральной лояльностью власти. Используя различные источники данных о религиозности, применяя разнообразные статистические методы, анализируя как региональный, так и индивидуальный уровень, мы приходим к выводу не только о влиянии православной религиозности на поддержку «ЕР» и президента В. Путина, но и об устойчивости данного тренда. Это не случайность, не аномалия (например, связанная с подсчетом голосов), а важный социетальный сдвиг — на уровне ценностей, установок и политического поведения. Удивительно, но предлагаемый нами пояс регионов практически полностью совпадает с географией «красного пояса» 1990-х годов, ареалом поддержки КПРФ.

Связь между религиозностью и голосованием уже давно изучена и объяснена, но во многом на индивидуальном уровне. Как объяснить проявление этой взаимосвязи именно на региональном уровне? Хотя очевидно, что данная постановка вопроса требует отдельного изучения, на основании иных данных и, возможно, иных методологических подходов позволим себе несколько спекулятивно предположить, что важную роль могут играть региональные структуры РПЦ. Обладая значимым влиянием на паству, с одной стороны, и поддерживая тесное сотрудничество с региональными органами власти, с другой стороны, церковные структуры могут оказываться значимым структурным звеном в организации политической мобилизации верующих. Вероятно, регионы «православного пояса» управляются консервативными администрациями, которые стремятся распространить «традиционные ценности» на местное население. Структуры РПЦ играют важную роль в процессе институционализации отношений между местными элитами и населением. В данной модели это в большей степени движение «сверху вниз» — от РПЦ к верующим, чем «снизу вверх» — от паствы к Церкви.

Объявление политики «консервативного поворота» можно считать одной из причин проявления «православного пояса» на политической карте России. Включение в текущую повестку защиты традиционных ценностей, использование в этих целях символического капитала РПЦ принесло свои политические дивиденды: консерва-

тивные регионы, похоже, стали еще более консервативными и тем самым получили шанс повысить свою субъектность в российской политике. На наш взгляд, консервативные голоса православного и русского ядра стоит рассматривать как важнейшую часть базы политической поддержки Кремля. Однако вопрос о способности конвертировать свой политический капитал в экономические блага и привилегии, например, дополнительные трансферты, инвестиции, программы развития, остается открытым и требует дальнейших исследований. Проводя аналогию с другой группой регионов, демонстрирующих повышенный уровень поддержки федеральной власти, с этническими республиками, можно отметить, что повышенная лояльность вознаграждается Центром. Если выделять в базе поддержки Кремля региональные составляющие, то ее ключевыми элементами окажутся именно этнические республики и регионы «православного пояса». На первый взгляд этот альянс кажется неожиданным и ситуативным, ведь это исконно русские земли и мусульманские республики. Позволим себе предположить, что его реальной основой может оказаться приверженность жителей этих регионов консервативным, традиционным ценностям. Этот тезис нуждается в подтверждении в дальнейших исследованиях.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что мы считаем появление «православного пояса» социетальным сдвигом, а не продуктом политтехнологий. Как бы ни менялись текущая повестка, руководство или даже режим, на политической карте страны останется кластер регионов с высоким уровнем религиозности, социального консерватизма, способный с помощью альянса светских и церковных властей на региональном уровне контролировать значимое число избирателей. Это дает нам основание предсказывать рост политического потенциала «православного пояса» в российском обществе, но сможет ли этот кластер обрести субъектность и реализовать свой потенциал, покажет время.

Литература

- Алмакаева А. М., Андрееenkova А. В., Климова А. М., Соболева Н. Э., Понарин Э. Д. (2019). LCSR Regional Survey. М.: Высшая школа экономики.
- АРЕНА (2012). Официальный сайт проекта АРЕНА, www.sreda.org/arena
- Богачёв М. И., Сорвин К. В. (2019). Политика в Церкви: воздействуют ли священники на электоральные предпочтения православных верующих? // Мир России. Социология. Этнология. Т. 28. № 4. С. 68-91.
- Богачёв М. И. (2016). Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ // Религиоведческие исследования. № 13. С. 8-76.
- Гилёв А. В. (2017). Политические машины и политический клиентелизм в российских регионах // Политическая наука. № 4. С. 61-84.
- Карнич Ю. В. (2020). Влияние религиозности на политический выбор православных верующих в России (на примере Липецкой области) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. Т. 14. № 4. С. 85-97.

- Карнич Ю. В.* (2021). Политический выбор православных верующих в России: возможности и ограничения качественных и количественных исследований // Социологическое обозрение. Т. 20. № 2. С. 48-69.
- Карпов В.* (2012). Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Т. 30. № 2. С. 114-164.
- Козлов Н. Д.* (2008). Политические культуры регионов России: уравнивание со многими неизвестными // Полис. Политические исследования. № 4. С. 8-26.
- Кулькова А. Ю.* (2015). Религиозность и политическое участие: роль политики в российских религиозных общинах // Высшая школа экономики. Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ. № 2.
- Лункин Р.* (2008). «Русские» регионы России: степень православности и политические ориентации // Социологические исследования. № 4. С. 27-36.
- Малахов В. С., Летняков Д. Э.* (2019). Российское государство в конфессиональной сфере, или Национальные особенности секуляризма // Мир России. Социология. Этнология. Т. 28. № 4. С. 49-67.
- Рыжова С. В.* (2010). Становление православной идентичности русских: традиционно-культурные и гражданские основания // Социологические исследования. № 12. С. 59-69.
- Туровский Р. Ф.* (2012). Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». № 3 (66). С. 100-120.
- Штекль К.* (2018). Три модели церковно-государственных отношений в современной России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Т. 36. № 3. С. 195-223.
- Ухватова М. В.* (2018). Напутствия охранителей (Религиозная риторика на инаугурациях российских губернаторов) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». № 2 (89). С. 84-101.
- Ухватова М. В.* (2017). Религия и электоральное поведение в России: региональный аспект // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. № 4. С. 26-48.
- Шишков А.* (2012). Некоторые аспекты десекуляризации в постсоветской России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Т. 30. № 2. С. 165-177.
- Щербак А. Н., Ухватова М. В.* (2018). От «красного пояса» — к «библейскому»: исторические предпосылки сдвигов в политической географии России // Общественные науки и современность. № 6. С. 98-113.
- Berger P. L.* (1999). The desecularization of the world. Washington, DC: Ethics and Public Policy Center.
- Brooks C., Manza, J.* (1997). Social cleavages and political alignments: US presidential elections, 1960 to 1992 // American Sociological Review. Vol. 62. № 8. P. 937-946.

- De Koster W., Van der Waal J.* (2007). Cultural value orientations and Christian religiosity: On moral traditionalism, authoritarianism, and their implications for voting behavior // *International Political Science Review*. Vol. 28. № 4. P. 451-467.
- Filatov S., Lunkin R.* (2006). Statistics on religion in Russia: the reality behind the figures // *Religion, State & Society*. Vol. 34. № 1. P. 33-49.
- Glock C.* (1962). On the Study of Religious Commitment // *Religious Education*. Vol. 57 (S4). P. 98-110.
- Golosov G. V.* (2014). The territorial genealogies of Russia's political parties and the transferability of political machines // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. № 6. P. 464-480.
- Goodnow R., Moser R. G.* (2012). Layers of ethnicity: the effects of ethnic federalism, majority-minority districts, and minority concentration on the electoral success of ethnic minorities in Russia // *Comparative political studies*. Vol. 45. № 2. P. 167-193.
- Goodnow R., Moser R. G., Smith T.* (2014). Ethnicity and electoral manipulation in Russia // *Electoral studies*. Vol. 36. P. 15-27.
- Hale H. E.* (2003). Explaining machine politics in Russia's regions: Economy, ethnicity, and legacy // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 19. № 3. P. 228-263.
- Hale H. E.* (2007). Correlates of Clientelism: Political Economy, Politicized Ethnicity, and Post-Communist transition // *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition* / Herbert Kitschelt, Steven I. Wilkinson (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 227-250.
- Kellstedt L. A., Green J. C.* (1993). Knowing God's many people // *Rediscovering the religious factor* / David C. Leege, Lyman A. Kellstedt (eds.). New York, London: M. E. Sharpe. P. 53-71.
- Layman G. C.* (1997). Religion and political behavior in the United States: The impact of beliefs, affiliations, and commitment from 1980 to 1994 // *Public Opinion Quarterly*. Vol. 61. № 2. P. 288-316.
- Lisovskaya E., Karpov V.* (2010). Orthodoxy, Islam, and the desecularization of Russia's state schools // *Politics and Religion*. Vol. 3. № 2. P. 276-302.
- McTague J. M., Layman G. C.* (2009). Religion, parties, and voting behavior // *The Oxford handbook of religion and American politics* / James L. Guth, Lyman A. Kellstedt, Corwin E. Smidt (eds.). New York: Oxford University Press. P.330-370.
- Middendorp C.* (1991). *Ideology in Dutch Politics: The Democratic System Reconsidered, 1970-1985*. Assen and Maastricht: van Gorcum.
- Østbø J.* (2017). Securitizing "spiritual-moral values" in Russia // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 33. № 3. P. 200-216.
- Papkova I.* (2006). The Russian Orthodox Church and Political Party Platforms // Paper presented at the American Association for Advancement of Slavic Studies, Washington, DC. URL: <http://www.sova-center.ru/files/religion/papkova.doc> (дата доступа: 19.12.2022).
- White A. C.* (2016). Electoral fraud and electoral geography: United Russia strongholds in the 2007 and 2011 Russian parliamentary elections // *Europe-Asia Studies*. Vol. 68. № 7. P. 1127-1178.

The “Orthodox Belt” on the Russia’s electoral map in 2011-2021

Andrey N. Shcherbak

Candidate of Political Science, Deputy Head of Laboratory for Comparative Social Research, HSE University
Address: Sedova str. 55-2, Saint Petersburg, 192171, Russian Federation
E-mail: ascherbak@hse.ru

The article explores the relationship between Orthodox religiosity and voting in Russia in 2011–2021. Using the theoretical framework of de-secularization from above which claims that church structures play a key role in the religious renaissance policy, we argue that the rise of the political influence of the ROC (Russian Orthodox Church) may be explained by its capacity for the dissemination of traditional values that ultimately results in votes for United Russia and President Vladimir Putin in national elections. This study reveals the emergence of a new area on Russia’s political map, that of the Orthodox belt, which combines higher levels of Orthodox religiosity and pro-Kremlin voting in national elections. Using multiple empirical strategies, we construct an index of religiosity on the regional level and identify the Orthodox Belt regions, test the relationship between Orthodox religiosity and voting in the national elections in 2011–2018, and test the differences in value orientations and electoral support between the Orthodox Belt regions and others. We conclude that non-Orthodox Belt regions in Russia with higher Orthodox religiosity, conservatism, and loyalty are an emerging trend in the Russian political geography.

Keywords: Orthodox belt, Russian Orthodox Church, religiosity, social conservatism, desecularization theory, elections

References

- Almakaeva A. M., Andreenkova A. V., Klimova A. M., Soboleva N. E., Ponarin E. D. (2019) *LCSR Regional Survey*, Moscow: Higher School of Economics.
Official web site of the ARENA survey. <http://sreda.org/arena>
- Bogachev M., Sorvin K. (2019) Politics in the Church: Do Priests Influence the Electoral Preferences of Orthodox Believers? *Mir Rossii*, vol. 28, no 4, pp. 68–91.
- Bogachov M. I. (2016) Votserkovlennost’ i politicheskiye predpochteniya pravoslavnykh veruyushchikh: Kolichestvennyy analiz [Churchliness and political preferences of Orthodox believers: a quantitative analysis]. *Religiovedcheskiye issledovaniya*, no 13, pp. 8–76.
- Brooks C., Manza J. (1997) Social cleavages and political alignments: US presidential elections, 1960 to 1992. *American Sociological Review*, vol. 62, no 8, pp. 937–946.
- De Koster W., Van der Waal J. (2007) Cultural value orientations and Christian religiosity: On moral traditionalism, authoritarianism, and their implications for voting behavior. *International Political Science Review*, vol. 28, no 4, pp. 451–467.
- Filatov S., Lunkin R. (2006) Statistics on religion in Russia: the reality behind the figures. *Religion, State & Society*, vol. 34, no 1, pp. 33–49.
- Gilev A. V. (2017) *Politicheskiye mashiny i politicheskii klientelizm v rossiiskikh regionakh* [Political Machines and political clientelism in the Russian regions]. *Political Science*, no 4, pp. 61–84.
- Glock C. (1962) On the Study of Religious Commitment. *Religious Education*, vol. 57 (S4), pp. 98–110.

- GolosoV G. V. (2014) The territorial genealogies of Russia's political parties and the transferability of political machines. *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no 6, pp. 464-480.
- Goodnow R., Moser R. G. (2012) Layers of ethnicity: the effects of ethnic federalism, majority-minority districts, and minority concentration on the electoral success of ethnic minorities in Russia. *Comparative Political Studies*, vol. 45, no 2, pp. 167-193.
- Goodnow R., Moser R. G., Smith T. (2014) Ethnicity and electoral manipulation in Russia. *Electoral studies*, vol. 36, pp. 15-27.
- Hale H. E. (2003) Explaining machine politics in Russia's regions: Economy, ethnicity, and legacy. *Post-Soviet Affairs*, vol. 19, no 3, pp. 228-263.
- Hale H. E. (2007) Correlates of Clientelism: Political Economy, Politicized Ethnicity, and Post-Communist transition. *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition* (eds. Herbert Kitschelt, Steven I. Wilkinson), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 227-250.
- Karpich Yu. V. (2020). Vliyaniye religioznosti na politicheskii vybor pravoslavnykh veruyushchikh (na primere Lipetskoy oblasti) [The influence of religiosity on political choice of Orthodox believers in Russia (the case of the Lipetsk region)]. *Bulletin of Perm University. Political Science*, vol. 14, no 4, pp. 85-97.
- Karpich Yu. V. (2021). Politicheskii vybor pravoslavnykh veruyushchikh v Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya kolichestvennykh i kachestvennykh issledovaniy [The political choice of Orthodox believers: opportunities and limitations of quantitative and qualitative studies]. *Russian Sociological Review*, vol. 20, no 2, pp. 48-69.
- Kellstedt L. A., Green J. C. (1993) Knowing God's many people. *Rediscovering the religious factor* (eds. David C. Leege, Lyman A. Kellstedt), New York, London: M. E. Sharpe, pp. 53-71.
- Layman G. C. (1997) Religion and political behavior in the United States: The impact of beliefs, affiliations, and commitment from 1980 to 1994. *Public Opinion Quarterly*, vol. 61, no 2, pp. 288-316.
- Karpov V. (2012) *Kontseptual'nyye osnovy teorii desekulyarizatsii* [Conceptual foundations of the theory of desecularization]. *State, church and religion in Russia and beyond*, vol. 30, no 2, pp. 114-164.
- Kozlov N. D. (2008) Politicheskiye kul'tury regionov Rossii: Uravneniye so mnogimi neizvestnymi [Political cultures of Russian regions: an equation with many unknowns]. *POLIS*, no 4, pp. 8-26.
- Kul'kova A. (2015) Religioznost' i politicheskoye uchastiye: Rol' politiki v rossiyskikh religioznykh obshchinakh [Religiousness and Political Participation: The Role of Politics in Russian Religious Communities]. *Higher School of Economics. Series WP14. «Political theory and political analysis*, vol. 2.
- Lisovskaya E., Karpov V. (2010) Orthodoxy, Islam, and the desecularization of Russia's state schools. *Politics and Religion*, vol. 3, no 2, pp. 276-302.
- Lunkin R. N. (2008) Russkiye regiony Rossii: Stepen' pravoslavnosti i politicheskiye orientatsii ["Russian" regions of Russia: the degree of Orthodoxy and political orientation]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no 4, pp. 27-36.

- McTague J. M., Layman G. C. (2009) Religion, parties, and voting behavior. *The Oxford handbook of religion and American politics* (eds. James L. Guth, Lyman A. Kellstedt, Corwin E. Smidt), New York: Oxford University Press, pp.330–370.
- Malakhov V., Letnyakov D. (2019) *Rossiiskoye gosudarstvo v konfessional'noy sfere, ili national'nyie osobennosti sekulyarizma* [The Russian State in the Religious Sphere (or National Secularism)]. *Mir Rossii*, vol. 28, no 4, pp. 49–67.
- Middendorp C. (1991) *Ideology in Dutch Politics: The Democratic System Reconsidered, 1970–1985*, Assen and Maastricht: van Gorcum.
- Østbø J. (2017) Securitizing “spiritual-moral values” in Russia. *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no 3, pp. 200–216.
- Papkova I. (2006) The Russian Orthodox Church and Political Party Platforms. *Paper presented at the American Association for Advancement of Slavic Studies*, Washington, DC. URL: <http://www.sova-center.ru/files/religion/papkova.doc> (accessed 19 December 2022).
- Ryzhova S. V. (2010) Stanovleniye pravoslavnoy identichnosti russkikh: traditsionno-kul'turnyie i grazhdanskiie osnovaniia [The construction of Orthodox identity: traditional, cultural and civic foundations]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no 12, pp. 59–69.
- Shcherbak A. N., Ukhvatova M. V. (2018) Ot “krasnogo poyasa — k “bibleyskomu”: istoricheskiye predposylki sdvigo v elektoral'noy geografii Rossii [From the “Red Belt” — to the “Bible” one: historical reasons of the shift in political geography of Russia]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 6, pp. 98–113.
- Shishkov A. (2012) Nekotoryye aspekty desekulyarizatsii v postsovetskoy Rossii [Some aspects of desecularization in post-Soviet Russia]. *State, religion, church in Russia and beyond*, vol. 30, no 2, pp. 165–177.
- Shtoekl K. (2018) Tri modeli tserkovno-gosudarstvennykh otnosheniy v sovremennoy Rossii [Three models of the state-church relations in contemporary Russia]. *State, religion, church in Russia and beyond*, vol. 36, no 3, pp. 195–223.
- Turovskiy R. F. (2012) Elektoral'noye prostranstvo Rossii: ot navyazannoy natsionalizatsii k novoy regionalizatsii? [Electoral space of Russia: from imposed nationalization to a new regionalization?]. *Politeia*, vol. 66, no 3, pp. 100–120.
- Ukhvatova M. V. (2017) Religiya i elektoral'noye povedeniye v Rossii: regional'nyy aspekt [Religion and electoral behaviour in Russia: a regional aspect]. *Bulletin of Perm University. Political Science*, no 4, pp. 26–48.
- Ukhvatova M. V. (2018). Naputstviya okhraniteley (religioznaya ritorika na inauguratsiyakh rossiyskikh gubernatorov) [Blessing of the Guardians: Religious Rhetoric at the Inauguration of Governors in Russia]. *Politeia*, vol. 89, no 2, pp. 84–101.
- White A. C. (2016) Electoral fraud and electoral geography: United Russia strongholds in the 2007 and 2011 Russian parliamentary elections. *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no 7, pp. 1127–1178.